

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА им. НИЗАМИ

ВОПРОСЫ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ТОМ IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Баку — 1966

Ш. ШААБДУРАХМАНОВ

(Ташкент)

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАШКЕНТСКОГО ГОВОРА

Ташкентский говор представляет значительный интерес и с точки зрения современного состояния узбекского языка, и в историческом плане. Являясь говором политического, экономического и культурного центра республики, он в то же время выступает в качестве языкового ядра, вокруг которого складывается узбекское койнэ. Не менее важным объектом ташкентский говор является и для исторической диалектологии, поскольку он „... продолжает сохранять известное количество фонетических и морфологических особенностей, относящихся к различным узбекским родо-племенным объединениям“¹.

Однако, несмотря на всю важность всестороннего изучения ташкентского говора, он до сих пор не был объектом специального монографического изучения. В литературе освещались лишь некоторые фонетические и морфологические особенности говора, причем качество отдельных опубликованных статей не всегда отвечало надлежащим требованиям. К последним относится работа, опубликованная Стефаном Вурмом².

Статья Стефана Вурма о ташкентском говоре (вернее, о говоре Кызылкушской махалли Октябрьского района гор. Ташкента) затрагивает только некоторые особенности говора. Текст, записанный со слов военнопленных, пестрит значительными неточностями, которые привели к неправильному толкованию особенностей разбираемого говора. Вследствие этого работа Вурма утрачивает свое значение для узбекской диалектологии.

Основная задача данной статьи уточнить некоторые фонетические особенности говора, произносительные особенности которого в значительной своей части легли в основу орфоэпических норм литературного языка.

Гласные

1. Состав гласных фонем ташкентского говора совпадает с составом гласных современного узбекского литературного языка.

В говоре шесть гласных фонем: *э, е, а, я, о, у*.

¹ В. В. Решетов, Состояние и задачи узбекской диалектологии, Сб. „Вопросы узбекского языкознания“, Ташкент, 1954, стр. 120.

² См. Stefan Wurm, The Uzbek Dialect of Qizil Qujas, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, vol. XII, 1947, p. 1.

Проф. Газы Алим Юнусов насчитывал в ташкентском говоре восемь гласных, относя к фонемам комбинаторно-позиционные варианты³.

2. Гласные *э*, *у*, *о* полностью совпадают с соответствующими гласными литературного языка. Они возникли в результате качественного совпадения (конвергенции) контрастирующих пар гласных переднего и заднего уклада. По своим артикуляционным особенностям они занимают промежуточное положение между передними и задними гласными других тюркских языков.

3. В силу своей качественной характеристики данные гласные в произношении подвергаются позиционным изменениям под влиянием соседних согласных звуков, приобретая то передний, то задний оттенок. Ср.: *йэ̄г̄т*, *к̄эм*, *к̄эш*, *ғ̄ш*, // лит.-орф. гишт, кул, гул, кул, кум; *ко̄л*, *ко̄з*, *ко̄л*, *ко̄ш*, и т. д.

4. В говоре отсутствует заднерядная фонема *а*, свойственная другим тюркским языкам. Там, где в тюркских языках выступает фонема *а*, в ташкентском говоре мы находим гласные *э* и *о*. Эти звуки, как известно, возникли в истории развития фонем ташкентского говора из этимологического **а*. Процесс дивергенции может быть представлен так: *э* > **а* > *о*. Последующее распределение фонем *э* и *о* в лексике ташкентского говора привело к тому, что фонема *э*, относящаяся к звукам переднего ряда, стала употребляться в говоре в сочетании с различными согласными, даже с глубокозаднеязычными *к* и *г*, например: *ка̄лам*, *ға̄лла*, *та̄ка*, *ша̄ғал*.

5. В говоре гласный *э* является очень узким. Перед сонорными сильно редуцируется: *т(э̄)л*, *б(э̄)р*, *с(э̄)м*. В конце слова произносится как полуоткрытый гласный типа *э̄*: *э̄лдэ̄*, *бэ̄лэ̄сэ̄*, *э̄лтэ̄*, *э̄тэ̄сэ̄*, *йеттэ̄* и др.⁴

6. В ташкентском говоре гласный *о* является менее узким, чем аналогичный гласный в некоторых других узбекских говорах. Данный гласный не имеет призвука, характерного для дифтонгоидов. Ср., например, ташк. *он*, *оз*, *борэ̄*, *тор* // лит.-орф. турт; кыпч.-узб. *Уон*, *Уоз*, *бУори*, *тУор*.

7. Распространение гласного *э* в словах и морфологических показателях во многом совпадает с литературным языком. В корнях типа *СГСГС*, *ГСГС* и *СГСГ* распространение фонемы *э* в говорах неодинаково, но в ташкентском более или менее стабильно, например, *СГСГС*: *сэмэн*, *бэ̄зэр*, *пэх'эл*, *шэмэл*, *кэ̄зэн*; ср. анд. *сэман*, *кэзан*; самарк. *самэн*, *казэн*. *ГСГС*: *эмэч*, *эйэг* // *эйэ*; *эмэн*; ср. анд. *эйак*. *СГСГ*: *бэлэ*, *кэрэ*, *мэлэ*, *сэйэ*; ср. коканд. *бэлэ*.

8. В говоре нет первичных долгих гласных, которые характерны для некоторых тюркских языков⁵ и отдельных узбекских говоров⁶, но вторичные долгие гласные есть. Они возникают в ташкентском говоре в результате выпадения соседних согласных, например:

1) выпадение звука *р*—*бэ*: (< *бор*), *бэ̄.мэ̄* (< *бэрмэ̄*) (ср. уйг. *ба̄*, *ка̄*⁷):

³ См. Оғазъ Алим. *Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba*, Taşkent, 1936, стр. 15.

⁴ В. В. Решетов *Узбекский язык*, I, Ташкент, 1959, стр. 128 и 170—171.

⁵ См. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I, Фонетика, М., 1955.

⁶ Е. Д. Поливанов. Фонетическая система говора кишлака Икан. „Изв. АН СССР“, ОГН, 1929, стр. 528; Ф. Абдуллаев. *Чузик, унлиларнинг табиати тугри-сина*, журн. „Узбек тили ва адабиёти масалалари“, 1959, № 3, стр. 27—33.

⁷ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна, М., 1961, стр. 97, 119.

- 2) выпадение звука *к* (> *в*) — *келду*: (< *келдув* < *келду* // лит.-орф. *келдик*), *кълду*: (< *кълдув* < *кълдук* // лит.-орф. *қилдик*);
- 3) выпадение звука *к* (> *ғ*) — *чърэ*: (< *чърэг* < *чърэк*), *ортэ*: (< *ортэг* < *ортэк*), *қэзу*: (< *қозуғ* < *қэзук*);
- 4) выпадение звука *һ* — *гувэ*: (< *гувэһ*), *сэйэ*: (< *сэйэһ*), *гэ*: (< *гэһ*);
- 5) выпадение звука *ғ* — *о:лэм* (< *оғлэм*), *бэ*:, *лэп* (< *бэғлэп* // лит.-орф. *боғлаб*), *э:зэ* (< *эғзэ*);
- 6) выпадение звука *һғ* (> *й*) — *бэшэ:нэ* (< *бэшэйнэ* < *бэшэһнэ*), *колэ:нэ* (< *колэйнэ* < *колэһнэ*);
- 7) выпадение звука *й* — *чэ*: (< *чэй*), *кэ:мэ* (< *кэймэ*);
- 8) выпадение звука *г* — *ту:мэ* (< *туғмэ*), *ту:мэчэ* (< *туғмэчэ*), *те:мэ* (< *теғмэ*);
- 9) выпадение звука *ع* (айн) — *йэ:нэ* (< ар. *يعنى*), *мэ:кул* (< ар. *معقول*), *мэ:лум* (< ар. *معالم*);
- 10) утрата хамзы (ء) — *тэ:мэһ* (< ар. *تأمين*), *рэ:й* (< ар. *رأى*), *тэ:сэр* (< ар. *تسير*).

С точки зрения появления вторичных долгот в говоре интересным является пример *о:нуч* (< *он уч*), где не только появился долгий гласный, но и изменилась линия слогораздела *о:/нуч*. Ср. в андижанском говоре *өннуч*. Здесь обнаруживаем лишний согласный вместо Долготы в ташкентском говоре. Ср.: ташк. *эһсэн* (< *эсэн*, перс. *آسان*), где также появляется спонтанный согласный.

Отметим, что вторичная долгота типа *то:n* < *тауп* < *табып*; *ко:n* < *қауп* < *кабып*; *со:к* < *саук* < *савук*; *то:к* < *таук* < *тавук* и т. д.⁸ не характерна для ташкентского говора. Но в Sandhi (в связи с выпадением согласных и гласных) некоторые гласные приобретают долготу: *бэру:дэ* (< *бэрувдэ* < *бэрэп—эдэ*), *кету:дэ* (< *кетувдэ* < *кетэп—эдэ*), *элу:дэ* (< *элувдэ* < *элэп—эдэ*)⁹.

Согласные

9. В ташкентском говоре отсутствуют губно-зубные *в* и *ф*, переднеязычный спирант *ж* и аффриката *ц*. Они возмещаются следующими звуками:

- ф* > *п*: *пэбрэка* (< фабрика), *пермэ* (< ферма);
ц > *с*: *сэ:мэһ* (< цемент), *серк* (< цирк);
 (губ.-зуб. *в* > губ.-губ. *в* (-*вв*), *ввэгэн* (< вагон).

10. Согласные *ғ*, *г*, *һғ* в говоре характеризуются более передней артикуляцией, чем соответствующие заднеязычные согласные кыпчакских говоров узбекского языка.

11. Звук *ح* (ح) и *خ* (خ) не различаются. Они слились в один звук *х'*, который является промежуточным между ними. Звук *һ* (ه) в говоре имеет свое специфическое произношение.

12. Характерной особенностью говора является выпадение в конце слова согласных звуков *к*, *ғ* после гласных *э*, *о*, *у* (< *э*) в двусложных и многосложных (иногда и односложных) словах. Напр., *узэ*: (< *узэк*), *тэ*: (< *тэг*), *йо*: (< *йок*), *сэру*: (< *сэрэк*)¹⁰.

⁸ К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. Сб. "Ўзбек диалектологиясидан материаллар", I, 1957, стр. 33.

⁹ В. В. Решетов. Узбекский язык, I, 1959, стр. 157.

¹⁰ М. Ряснянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 130.

13. Не менее характерен переход конечного *к* (>*в*)> *й* после гласных *э* и *ь*: *терэй* (<*терэк*), *беиэй* (<*бешув* <*бешэк*), *бэй* (<*бэк* <*бэрг*), *керэй* (<*керэк*), *теиув* (<*теиэк*), *кэчэй* (<*кэчэк*).

14. Переход *б*>*п*, *д*>*т* (т. е. оглушение согласных *б* и *д*) в конце слова встречается и в других узбекских говорах, но в ташкентском конечный оглушенный *п* (<*б*) и *т* (<*д*) при любых условиях сохраняется, хотя в других говорах при прибавлении аффиксов, начинающихся с гласных, звонкость восстанавливается. Например, ташк. *мактап*+*эм* > *мактапэм*, *эвт*+*экэн* > *эвтэкэн* // лит.-орф. *мактабим*, *обод экан*.

Ср. кыпч.-узб. *мактаб*, но *мактабим*, *кап* > *кабы*, *туп* > *туби*, *көп* > *көби*.

15. Известно, что соответствие *б*~*в* характерно для языков огузской группы, но это явление прослеживается, хотя спорадически, в узбекских городских говорах, в том числе и в ташкентском: *вэр*~*бэр*, *вер*~*бер*.

О том, что в истории формирования ташкентского говора принимали участие огузские элементы известно в литературе.

Переход *б*>*в* в конце и в середине слова прослеживается довольно часто. Ср. *ташвэкэ* (<*таш бэкэ*), *лав* (<*лаб*), *курвэкэ* (<*курбэкэ*), *сэвзэ* (<*сэбзэ*), *белвэ*: (<*белбэ*), *бэр-вэш* [<*бэр бэш* (узум)], *сэвэп* (<*сэбэп*). Выпадение начального *б* не характерно для ташкентского говора, хотя ср. *бокэрдэ*~*окэрдэ*. Это явление чаще прослеживается в других говорах узбекского языка, ср. *бол*~ карабул. *ол*¹¹.

16. Другой фонетической чертой, подтверждающей наличие огузских элементов в истории ташкентского говора, является спорадическое наличие *д* в начале слова, чему, как известно, соответствует *т* в карлукских и кыпчакских говорах¹², например: *тэвэш*~ (мьлту:нь) *дэвэш*; *дэшкэзэн* (<*таш кэзэн* // лит.-орф. *махалла* *кэзон*) и др.

17. Гортанный звук *ع* (айн), встречающийся после гласных в заимствованных словах арабского происхождения, в говоре реализуется как глубокозадняяязычный проточный *г*, например:

сэгэт < ар. *ساعت* (лит.-орф. *соат*);

шегэр < ар. *شعر* (лит.-орф. *шеэр*);

тагна < ар. *طعنه* (лит.-орф. *тагна*).

18. В начале слова согласный звук *т* чередуется с *ч* (*т*~*ч*): *чэш*~*тэш*, *чуш*~*туш*, *чуштэм*~*туштэм*.

т~*ч* наблюдается и в других тюркских языках, ср. к.-калп. *тири*~чуваш. *чере*, к.-калп. *тырнак*~чуваш. *черне*¹³.

19. В ташкентском говоре звук *ч* чередуется со звуком *с* литературного узбекского языка (*ч*~*с*): *чэч*~*сэч*, *чэчу*~*сэчэк*, *чэчкэн*~*сэчкэн*.

Надо отметить, что чередование *с*~*ч*, видимо, явление новое. Во всяком случае оно не встречается в „Дивани лугатит турк“, а также в произведениях Навои. Ср. „Дивани лугатит турк“: *сичкан*, *сач*, *сачук*, *сачмук*.

20. Чередование *д*~*з*~*й*: для ташкентского говора характерно *й*, но в ряде случаев сохранилось и древнетюркское *д*: *эдэ*//*эдэш*.

¹¹ К. К. Юдахин. Ук. соч., стр. 37.

¹² Подробнее о соответствии начальных *д*~*т* см. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, Фонетика и морфология, ч. I, М., 1952, стр. 94

¹³ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 88.

21. *дж~й*—одно из основных фонетических признаков, отличающих карлукские и огузские говоры от кыпчакских.

Несмотря на то, что ташкентский говор является йекающим, в некоторых словах наблюдается *й>дж*: *джур* (<*йур*), *джун* (<*йунг*), *джой* (<*йой*); *чушънъ йэхшълъйгъ джойдъ*—//лит.-орф. *тушини яхшиликка йуйди*; *джъ:дъ* („Диван луғат. турк“,—*jigda*).

22. В говоре согласный *н* в начале аффикса полностью уподобляется конечным звуком основы:

т(<д)н>тт—*эттъ*, *ъттъ*, *эх¹мэттъ*;
джн>дждж—*тэджджъ*, *эх¹тъйэджджъ*;
зн>зз—*коззъ*, *бъззъ*, *туззъ*;
к(<г)н>кк—*ноккъ*, *тэккъ*, *педэгоккъ*;
лн>лл—*коллъ*, *тэллъ* *йоллъ*;
мн>мм—*тэммъ*, *узуммъ*, *экэммъ*;
п(<б)н>пп—*гэппъ*, *кэппъ*, *кътэппъ*;
рн>рр—*темърръ*, *кэмпърръ*, *пэкърръ*;
сн>сс—*мъссъ*, *мэйлссъ*, *ъссъ*;
х¹н>х¹х¹—*мъх¹х¹ъ*, *чэх¹х¹ъ*;
чн>чч—*йэгъччъ*, *эмъччъ*;
шн>шш—*эшшъ*, *тэшшъ*, *бэшшъ*;
кн>кк—*оккъ*, *эккъ*;
ғн>ғғ—*тэғғъ*.

23. В словах, оканчивающихся на *в*, *нг*, *й*, ассимиляция *н* прослеживается спорадически:

вн>вв//*вн*—*сுவвъ* (>*су:нъ*)// *сувнъ*;
нгн>нгнг//*нгн*—*тэнгнгъ*//*тэнгнгъ*;
йн>йй//*йн*—*эййъ*//*эйнъ*, *чэййъ*//*чэйнъ*.

24. Если к основе прибавляется притяжательный аффикс 2-го лица и после него присоединяется аффикс, имеющий в начале *н*, то согласный *нг* переходит в *й* (*й<нг*) и *н* не ассимилируется: *й(<нг)н>йн*: *колъйнъ* (<*колънгнгъ*), *эйъйнъ* (<*эйънгнгъ*), *экэйнъ* (<*экэнгнгъ*), *бэшъйнъ* (<*бэшънгнгъ*), *этэйнъ* (<*этэнгнгъ*)¹⁴.

25. В конце односложных слов (особенно в глаголах) звук *л* неустойчив. Например: *э(<эл)*, *бо(<бол)*, *кэ(<кэл)*, *сэ(<сэл)*. Ср. уйг. *са*-¹⁵. Это явление прослеживается и тогда, когда прибавляется аффикс с начальным согласным *м*, *с*, *г*, (*-мэ*, *-сэ*, *-сън*, *-гэн*, и. т. д.): *эсэ* (<*элсэ*), *эмэ* (<*элмэ*), *кэгэн* (<*колгэн*), *босън* (<*болсън*).

26. В ташкентском говоре согласный *р* реализуется следующим образом:

р~л—*дэвл*//лит.-орф. *девор*. Ср. ферг. *дувл*;
р>н—*тэन्नэ*//лит.-орф. *тирно*; (Ср. ферг., анд. *тэннак*//*тэндак*); *тэнна*//лит.-орф. *турна*;
кэннай//лит.-орф. *карнай*;
р>т—*бэттэ* (<*бър+тэ*//лит.-орф. *битта*);
р>л—*йеллардэ*//лит.-орф. *ерларда*.

27. В некоторых словах согласный *й* замещается согласным *з* (*й~з*): *йэз~йэй* (дэстэх *эинъ йэз/йэй*); ср. *созлэ*~*каракалл*. *сэйле*-¹⁶; *йэз* (лето)~*йэйлэв* (пастбища).

28. Спирантизация *к* и *к₁* отмечается в закрытых слогах перед глухими согласными:

¹⁴ См. Я. Г. Гулямов. Морфология ташкентского говора (автореф), М., 1954, стр. 4.

¹⁵ С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 148.

¹⁶ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 88.

к > х': тох'тэ (<токтэ// лит.-орф. тукди), мах'тэп (<мактэп// лит.-орф. мактаб), сэх'сэн (<саксэн//лит.-орф. саксон); ср. азерб. кәһлих', мәһтәф¹⁷.

к > х' чх'сэн, шох'сэн (<токсэн//лит.-орф. туксон).

29. В говоре г в конце слов не встречается; в заимствованных словах переходит в к или й: бәй < бәк < перс. барг < برگ.

30. Согласный ғ встречается только после узких гласных (ə, у) в односложных словах (йəғ, туғ), а в других позициях выпадает.

31. Звук һ (ʁ) имеет два оттенка:

1) һ произносится гортанно: һәм һәйэт//лит.-орф. хәйт;

2) һ произносится аналогично немецкому ch (как в слове ich): бәһзә//лит.-орф. бехи' мәһрә//лит.-орф. Мехри, һәл-һәл//лит.-орф. хил-хил. Звук һ наблюдается в соседстве с узким гласным ə, как иһ в азербайджанских говорах.

¹⁷ М. Ширәлијев. Азәрбајҹан диалектолокијасынын әсаслары, Бақы, 1962, стр. 90.

Г. Ф. БЛАГОВА

(Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ
УЗБЕКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ
ФАКТОВ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА (НА
МАТЕРИАЛЕ „БАБУР-НАМЭ“) (II)¹**

При современном состоянии развития узбекской исторической диалектологии небесполезным оказывается сопоставление данных истории узбекского языка с фактами любого из современных узбекских говоров. (Учитывая исторически обусловленную интенсивность смещений в этническом составе носителей узбекского языка, представляется возможным отвлечься от тех различий, которые устанавливаются между группами узбекских говоров разными классификационными схемами). Цель такого сопоставления—выявить комплекс специфических черт, нашедших отражение в памятниках староузбекской литературы и в то же время представленных в современных узбекских говорах, при полном или почти полном отсутствии этих черт в современном узбекском литературном языке. Хотя при современном состоянии узбекской диалектологии преждевременно классифицировать специфические черты, скажем, по признаку их принадлежности к архаизмам или к инновациям, тем не менее эти черты представляют для исторической диалектологии большей интерес, так как язык староузбекской литературы, как это уже не раз отмечалось, в основных чертах своей грамматики весьма близок к „карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности“ (термин В. В. Решетова), составляющей основу современного узбекского литературного языка.

На основе сопоставительного изучения имеющихся в литературе данных по современным узбекским говорам и фактов языка одного из произведений староузбекской литературы рубежа XV—XVI вв.—„Бабур-намэ“, сконцентрировавшего в себя богатейший грамматический материал и отличающегося „естественностью, точностью и совершенной гибкостью языка“², представилось возможным выявить ряд специфических черт из числа тех, которые присутствуют в языке БН и представлены в современных узбекских говорах, но отсутствуют полностью или почти полностью в современном узбекском литературном языке.

¹ См. ВЯ.—1965, I, стр. 96-110.

² Н. И. Ильминский. Предисловие к кн.: „Бабер-намэ“, или Записки Султана Бабера, Изданы в подл. нем. тексте [Н. И. Ильминским], Казань, 1857, стр. II. Впредь это издание обозначается сокращенно БН, цитируемая страница указывается надстрочной цифрой, строка—подстрочной цифрой.

Исходя из общего положения о том, что „деление на лексику и грамматику, синтаксис и морфологию имеет более частный и условный характер“³, мы остановимся на некоторых особенностях отдельных разрядов местоимений, модальных слов, причастия, послелогов и служебных имен—в плане как их формальной стороны, так и их функционирования.

Для указательных местоимений примечательно использование в языке их аффигированной формы в сочетании с *чағлик*⁴; *мунча чағлик*,—БН 101₁₂, *ушмунча чағлик*,—БН 80₁₉ сочетание этих форм с другими послелогом (Ср. также *мунча дек ни чэ*—БН 63₂₃, „кое-что вроде этого“, *ушмунча билэ*—БН 48₁₁, 68₁₇, 86₂₂, 156₂). С этим явлением можно сопоставить *мун+чаклэ*, *шун+чаклэ* в хорезмских говорах; *бунынчэкэ* // *мынынчэккэ*—в хазараспском; *шунчэллэ*, *канчэллэ*—в мангытском; а также *шундайчақы*/ *шундайчаны*—(с несколько иным значением) в кураминских говорах Ташкентской области; *кандайчак*, *кандайчағын*, *вондайчақы*—в джущском и *кандачака*, *шундачака*—в бахмалском (ср. др.-уйг. *мунчак*, *атдги*), *шундакангэ*—в джзакском, *мунакангы*—в найманском говоре Каттакургана⁵.

Употребление возвратного местоимения *уз* в именных функциях (исключая атрибутивную) без соответствующих аффиксов принадлежности, квалифицируемое Я. Г. Гулямовым, как редкий случай, зафиксировано в андижанском говоре⁶; для языка БН такое употребление *уз* не характерно, будучи в то же время широко распространено в языке лирики Бабура. Свойственная говорам центра территории „карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности“—ташкентскому, ниязбашинскому говорам и подговору селения Каъни Ташкентской области—„форма 3-го л. мн. ч. возвратного местоимения *озлугэ*(*озлугэ*~*озлуйи*

³ Ю. К. Лекомцев. Структура вьетнамского простого предложения, М., 1964, стр. 7.

⁴ Ср. подробнее сочетание с вопросительным местоимением *не*: *не чағлик*, БН 1296. Об употреблении *чағлик*, в сочетании с количественными числительными для выражения приблизительного счета (см. ВЯ, 1965, №1, стр. 103).

⁵ Ф. А. Абдуллаев. Ўзбек тилининг Хоразм шевалари, Тошкент, 1961, стр. 207; Ю. Жуманазаров. Хазораси шевасидаги курсатил олмошларининг баъзи хусусиятлари, Журн. „Ўзбек тили ва адабиёти масалалари“ (сокращенно—ЎТАМ, с 1963 г.—ЎТА) 1961, №3, стр. 56; А. Ишаев. Мангит шеваси фонетикасидан материаллар, „Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари“ (далее—АТМ), 5, Тошкент 1933, стр. 556; В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области (авто реф. док. дисс.), Ташкент, 1952, стр. 43; А. Ахмедов. Жуш шевасининг баъзи бир морфологик ва лексик хусусиятлари, „Самарканд давлат унив. ситетининг асарлари“, Янги серия, 129—Ўзбек тилшунослиги масалалари, 1963, стр. 173; Х. Лониев. Желашган диалектининг характерли морфологик хусусиятлари, „Самарканд давлат унив. ситетининг асарлари“. Янги серия, 102, 1950, стр. 45; Н. Ражабов. Каттакургон группа райондига ташкил қилинган диалектологик экспедициянинг дастлабки яқуилари; Там же, стр. 105; Х. Фуломов. Ўзбек тилининг Жиззах шеваси, „Ўзбек диалектологиясидан материаллар“ (далее—УДМ), I, Тошкент, 1957, стр. 93; М. Валиев. Ўзбек тилининг Найман шеваси (Каттакургон наймандари материаллари буйича) (Канд. дисс.), Самарканд, 1933.

Ссылки на эти работы и приводимые ниже исследования по Узбекским говорам после первого их упоминания мы не будем повторять, заменяя их в тексте указанием на соответствующий говор.

⁶ См. St. Wurm. Der özbekische Dialekt von Andidschan, Brunn—München—Wien, 1945, „Sitzungsberichte [der Akademie der Wissenschaften in Wien]“, Philosoph.-hist. Kl., 224, 3, Abhandl.), стр. 115—116.

~озлййз⁷)⁷ может быть сопоставлена с наблюдаемым в БН образованием узлук (см. *мундак, килмаган амрни узлук билэ килмак, муш-кил еди*—БН 239₁₅, „такое дело, которое раньше не делал, трудно было делать самостоятельно“), которое в своем развитии могло подвергнуться существенному переосмыслению⁸.

Из вопросительных местоимений отметим встречающееся в наманганском *нучу*⁹, в ташкентском—*нучук*¹⁰, в бахмалском—*нучук*¹⁰—в БН им соответствует *нечук*; вопросительное *кай* и отрицательное *хич кай* отмечены в карнабском¹¹—в БН им соответствует *кай (и)* и *хеч кай (си)*. Первоначальное предметное значение *нимэ*, зафиксированное в БН (см., например: *баъзи чадир ва гилэм ва парталдек нимэлари черик еликка тушти*—БН 86₅₋₆ „в руки воинству попали кое-какие вещи, вроде палаток, ковров, обозов“)¹², „представлено ныне в ташкентском говоре, где зафиксированы также формы *нйэрсэ, нэмэрсэ*, наблюдаемые также в БН (например: *ул тагларда расмдур ким ташларда абйэт ва баъзи нйэрсалар битиб казурлар*—БН 121₁₀, „в тех горах есть обычай высе-кать на камнях стихи и кое-какие вещи [цы]“; *хеч нимэрсэ*—БН 23₁₄).

Свойственное языку БН определительное местоимение *бари* наблюдается и на крайнем северо-западе территории узбекского языка—в кыркском говоре (*бари*)³.

Употребление модального слова *бор* (а также *йук*) в именных функциях представлено в андижанском говоре¹⁴; такое же использование *бар* было свойственно и БН: *анин, билэ бар киши бар бекларни тушулди*—БН 1, „попались [в плен] все беки, все люди, которые были с ним“; *Тимурбекни кизи ва авладидин хэр ким ки Самаркандта падшахлик қилибтур барни қабри ул мадрэ сададур*—БН 57₁₉₋₂₁, „Могила дочери Тимур-бека и [могилы] тех из его потомков, которые царствовали в Самарканде, находятся в том медресе“. Ср. также использование *бар* (без необходимого в современного языке именного аффикса-*лик*) в составе именного оборота, включаемого в предложение посредством послелога *учун* или служебного имени *жи-хэт*: *ата агасидин умидварлик бар жи хэти дин дирэнг қилур еди*—БН 155₁₁, „так как у него была надежда на своих отца и старшего брата, он медлил [с ответом]“; *улуғ кутэл билэ парван арасида йети кутэл бар учун хэфт бача дерлар*—БН 160₄₋₅, „так как между большим перевалом и Парваном имеется еще семь перевалов, [их] называют Хафт-баче“; *Кештуд курганида узбек киши си бар лајал*

⁷ В. Решетов, Ш. Шаабдурахмонов. *Ўзбек диалектологияси*, Ташкент, 1962, стр. 225; Н. С. Гафурова. *Ниязбашинский говор узбекского языка* (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1952; К. Назаров. *Каъни шевасида эгалик аффиксларининг формалари*, УТА, 1963, № 5, стр. 53.

⁸ Ср. Возвратное местоимение *ёз*, оформленное „притяжательными аффиксами -*лык*“/-*лики*“, в атрибутивной функции в языке джэнетюркской письменности, (См. Е. Агманов. *Им.ино-агрибутивне словосочетание в языке памятников древнетюркской письменности* (автореф. канд. дисс.), Алма-Ата, 1964, стр. 18.

⁹ Ш. Шаабдурахманов. *Ўзбекский литературный язык и узбекские народные говоры* (автореф. докт. дисс.), Ташкент, 1933, стр. 18.

¹⁰ Х. Данияров. *Бахмалский говор узбекского языка* (автореф. канд. дисс.), М., 1955.

¹¹ Н. Ражабов. *Ўзбек тилининг Қаришб шеваси* (канд. дисс.), Самарканд, 1958.

¹² Ср. также употребление *нимэ* в сочетании с числительными *бир, бирар* в качестве неопределенного („счетного“) местоимения: *бир нимэ кун*—БН 190₂₃, *бирар нимэ ашлик*—БН 179₃.

¹³ См. Т. З. Мирсоатов. *Кыркский говор узбекского языка* (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1953, стр. 12.

¹⁴ А. Маматов. *Эгалик категорияси ва унинг ифодаланиши* (Андижон шеваси материаллари асосида), „Сб. научных трудов аспирантов САГУ“, IV, Ташкент, 1953, стр. 234.

к, *либ*—БН 101₁₋₂, „думая, что в крепости Кештуд имеются люди узбеков“ (ср. напротив присутствие модально-связочных слов в отдельных случаях: *х, еч к, ари улук, йад билмас ким бу куталнин, мундак, улуг к, ари бар ерканд киши гзубур етмиш булгай*—БН 247₂₋₃, „никто из стариков не напоминает, чтобы человек мог совершить переход, когда на перевале был такой глубокий снег“; *бу майманэ вэ майсарэ гулга дах, ил й ук, турар учун*—БН 266₂₂₋₁₂, „из-за того что этот правый фланг и левый фланг не есть входящие в ряд войск, находящихся лично при хане“).

Для выражения модальных значений в языке БН употребляются наряду с *екан/ерлан* также *екин* (например: *арк, амга к, айтиб бак, тим ки уларнин ати не чаглик, кейин к, алиб екин*—БН 116₂₀, „я обернулся назад посмотреть, насколько отстали их кони“; (см. также БН 187₉, 189_{2,5}, 233₁₁) и *еркин* (БН 103₄₋₁₆). Из современных говоров *икин/кин* свойственно прежде всего андижанскому¹⁵, а также карабулакскому и манкентскому на севере и шахрисябзскому на юго-западе территории узбекского языка (в шахрисябзском это модальное слово, как и в БН, употребляется в двух своих разновидностях *-икэн/-йкэн/-кэн* и *икин/-йкин/-кин*)¹⁶.

Прошедшее на *-миш* уже в языке БН было представлено ущербной парадигмой: главным образом, формой 3-го л. ед. ч., реже—формами 3-го л. мн. ч. (*кййурмишлар*—БН 451₈), 1-го и 2-го л. ед. ч. *чик, мишмен*—БН 102₁₈, *к, уймишсан*—БН 451₃). Отмечаемое Ст. Вурмом (ук. соч., стр. 70) в андижарском говоре употребление прошедшего на *-миш*, имеет еще большие ограничения парадигматического характера: указанная форма используется только в 3-ем л. мн. ч. причем без показателя *-лар*, показатели лица к ней, таким образом, вовсе не присоединяются.

Причастный оборот на *-ган+билэ* (*-ган* иногда принимает соответствующий аффикс принадлежности, чаще же употребляется без него) используется в языке БН обычно для выражения быстрой смены действий, обозначенных соответственно причастием и личной формой глагола¹⁷: *биз би тавак, к, уф йуруй келганизим билэ булдур алмади*—БН 267₂₁₋₂₂, „стоило нам двинуться без замедления, как он не смог устоять“. С этим несвойственным современному литературному языку использованием оборота *-ган+билэ* можно сопоставить отмеченное Ст. Вурмом (ук. соч., стр. 95) в андижанском говоре употребление причастия *-ан*+соответствующий поссесивный аффикс+*билэн* для выражения уступительного значения; ср. уступительное значение этого оборота в БН 421₁₂: *булар еткэн билэ уруша алмаслар*—„хотя и подошли эти, сражаться он не мог“.

Из послелогов для нас представляет интерес два нижеследующих.

Послелог *билэ*, в языке БН выступающий иногда в функции глагольного определения—наречия „вместе“, в ряде современных узбекских говоров встречается в качестве наречия (например, на западе—в

¹⁵ См. А. Маматов. Ук. соч., стр. 236; St. Wurm. Ук. соч., стр. 19.

¹⁶ К. К. Юдахин. Корабулак, ва Манкент шеваляридан текст намуналари, „Уч. зап. [ТашГПИ Я]“, VII, 1963, стр. 22; Б. Жураев. Шахрисябз шевасининг баъзи бир морфолгик хусусиятлари, УТАМ, 1959, № 1, стр. 66.

¹⁷ В ташкенском говоре, как и в литературном языке, это значение передается сочетанием имени д. действия на *-и(ш)*, принявшего соответствующий показатель принадлежности, и посл. лог. *минам* (Я. Г. Гулямов. Морфология ташкенского говора (канд. дисс.), М., 1954, стр. 201).

каршинском, джекающем говоре Ширабадского района¹⁸, в найманском говоре Каттакургана; в центре и на востоке—в андижанском, ошском, ташкентском, в говоре Вуаделя¹⁹—оно представлено в форме *билла*). Послелог *сари*, в БН передававший значение направления и в силу сохранения своей изначальной именной сущности обладавший там способностью изменяться по падежам и числам, равно как и способностью к словопроизводству (*шарк, сариги афганлар*—БН 386₁₉, „афганцы, находящиеся на восточной стороне“) ²⁰, удержал это свое значение и способность выступать в форме дательно-направительного падежа в паркентском говоре, а в каршинском *саръ*, употребляясь в застывших именных словосочетаниях, принимает (как и в БН :463₂₁ *атава саррак, келиб*, уменьшительно-сравнительный аффикс *-рэк*: *усарэк, насорог, бесарог*²¹).

Несомненный интерес представляет собой явление функционального параллелизма падежа и послелога (или служебного имени), скупо или вовсе не отмечаемое диалектологами (возможно, из-за недостаточного внимания к явлению). См. употребление послелога *ора* в функции дат.-напр. падежа в каршинском, а также употребление служебного имени *уст* вместо литературного *учун* (*эккэвъ шахматтъ устъ йа солъштъ*); в паркентском существует синтаксическая взаимозаменяемость дат.-напр. падежа и послелога *учун*, в андижанском—местного падежа и сочетаний со служебными именами *бой, ич*. Подобное употребление может быть сопоставимо, во-первых, с разночтениями подобного рода по разным рукописям БН²² и, во-вторых, с широким использованием в БН служебных имен не в падежной форме, а в сочетании с послелогом *сари* (чаще других с ним сочетаются служебные имена *алалд, арк, а*) или *билэ* (с ним сочетаются *уст, ара, ич*); например: *Бэнгалэ вилайетинин, араси билэ утуб*—БН 353₁₉, „пройдя через область Бенгалии“; *ганим арк, аси сари*—БН 109, „за врагом“ (букв.: „к тылу врага“).

Особенность употребления служебных имен в БН, состоящая в том, что имя, к которому относится служебное имя, весьма часто выступает в родительном падеже, представлена также в некоторых современных говорах, в том числе и в андижанском; для найманского же говора Каттакургана это—правило, соблюдающееся в сочетаниях имени со служебными именами *ич, тег, ист, аст, каш* (ср. напротив, опущение родительного падежа в сочетаниях типа *шулэр элдэда* и в определенных конструкциях в кокандском говоре²³).

Другая из интересных конструктивных особенностей употребления в БН служебных имен в сочетании с именами, к которым они относятся, заключается в том, что иногда в таких сочетаниях служебное имя—*урта*

¹⁸ См.: А. Шерматов. Ўзбек тилининг Карши шеvasи (канд. дисс.), Тошкент, 1960; А. Маматкулов. Шеробод район „жловчи“ шеvasида равиш категорияси ЎТАМ, 1960, № 2.

¹⁹ И. Фармонов. Ўзбек тилининг Уш шеvasи (канд. дисс.), Ташкент, 1960, стр. 113; Х. Узколов. Водил шеvasининг баъзи лексик хусусиятлари, „Уч. зап. [Таш ГПИИЯ]“ VII, 1963; его же, Водил шеvasи морфологиясин, АТМ, 3, Тошкент, 1961.

²⁰ Со словообразовательными возможностями послелога *сари* можно сопоставить факты словопроизводства от послелогов (названий *нари* и *бари* как в БН, так и из современных говоров—в кыркском (*берги* < *бери* + *ги* и *нарги* < *нари* + *ги*); см. Т. З. Мирсоатов. Кирк, шеvasидан намуналар, „Уч. зап. [Таш ГПИИЯ]“, VII, стр. 83.

²¹ См. Ш. Афзалов. Ўзбек тилининг Паркент шеvasи (канд. дисс.), Ташкент, 1952, стр. 130; А. Шерматов. Ук. соч., стр. 151–154.

²² См. Г. Ф. Благова. К вопросу о подлинности текста „Бабур-наме“ по Керовскому списку. Краткие сообщения Ин-та народов Азии, XLV, 1961, стр. 96–97.

²³ Ш. Носиров. К. Ўқон шеvasида келишик категорияси, ЎТА, 1963, № 2.

и ара по преимуществу — получают показатель надлежащего локативного падежа, не принимая соответствующего аффикса принадлежности: *бир кеча уртада* (БН 120₃), *аяғлари арада* (БН 23₁₆), *бағзинин, хатириға јетти ким хасан ханнин, истималати жи х, атдин углини йи-барилгај* — БН 339₂₃—400₁, „некоторым пришло на мысль, что для примирения с Хасан-ханом следует послать его сына“; *Нилаб ве Бхира арадаги елда* — БН 286₁, „у народа живущего между Нилабом и Бхирой“; *аралнин, ул й уздаги* — БН 187₆, „находящийся на той стороне острова“.

Отмечено также в ряде случаев в отсутствие поссессивных аффиксов при определяемом в определительном словосочетании. Это возможно, прежде всего, в словосочетаниях, где определение выступает без каких-либо показателей: *Самарканд фатхдин сун*, — БН 64₁₇, „после победы над Самаркандом“; *намаз-и пишиндин сун, чағир маж-лис булди* — БН 236₇₋₈, „после полуденного намаза состоялось собрание с вином“; *кишлак, уйлар* — БН 54₂₀₋₂₂, „дома для зимовки“; *кишлак, ва йайлак, йер емас* — БН 305₂₀, „[Кабул] не есть место для зимовок и летовок“; *зирағат ва бағатиға асла сув ихтийаж емас* — БН 354₁₁, „для возделанных земель и для садов (там) совершенно нет надобности в воде“.

Встречаются также словосочетания, в которых именное определение оформлено родительным падежом, а поссессивный показатель тем не менее отсутствует²⁴: *валадатинин, хабарни йибардук* — БН 282₃, „мы прислали известие о его рождении“; *качк, анларнин, хабарни* — БН 333₁₇, „известие о сбежавших“; *Султан Хусайн мирзанин, фавтинин, лабар еди* — БН 232₁₇, „было известие о кончине Султана Хусейна-мирзы“; *Жихангир мирзанин, тирикда* — БН 275₈, „при жизни Джахангира-мирзы“. Эта особенность языка БН находит поддержку в диалектных фактах, которые распределяются по территории узбекского языка, охватывая, прежде всего ее восток (говоры андижанский, где Ст. Вурм отмечал при определительных сочетаниях отсутствие аффиксов принадлежности при 2-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч., а А. Маматов — также и при 3 л. ед. ч.²⁵; уйчинский и отчасти — ошский, папский²⁶) и центр (см. спорадические отсутствия аффиксов принадлежности в говорах ташкентском²⁷, паркентском, ниязбашинском²⁸ — в последнем только при

²⁴ Отсутствие поссессивных аффиксов при определяемом определительных словосочетаний как первого из указанных выше типов, так и второго о мечалось в языке памятников древнетюркской письменности. См. Е. Агманов. Именно-атрибутивное словосочетание в языке памятников древнетюркской письменности (автореф. канд. дисс.), Алма-Ата, 1934, стр. 10; К. Каримов. Категория падежа в языке „Кутадгу билиг“ (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1962, стр. 6.

²⁵ Это явление в андижанском, иллюстрируемое примерами *полли та: (<тағиға) кириб ук, ин; одамла: бари джо: ми та: да (<тағиға) к, опти*, А. Маматов объясняет фонетическими процессами, происходящими в результате присоединения к слову показателей принадлежности падежей (А. Маматов. Эгалик категорияси ва унинг ифодаланиши, стр. 231; его же, Келишик к, ушимчаларининг Андижон шевасида к, улланиши, стр. 144).

²⁶ Примеры см. в работах: К. К. Юдахин. Тексты, стр. 37; А. Ю. Алиев. Узбек тили Уйчи шевасининг фонетик хусусиятлари, „Уч. зап. [Наманганско о педин-та]“, III, 1957, стр. 152, 154; Ш. Шарипов. Поп шевасининг фонетик системаси. „Уч. зап. [Таш. пед. ин-та им. Низами]“, XIX, 2, 1961, стр. 342; см. также Ш. Шаабдурахмонов. Узбек адабий тилининг шеваларга муносабати масаласи, УТАМ, 1960, № 1, стр. 53.

²⁷ Я. Г. Гулямов. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора УДМ, № 1, стр. 200; его же. О падежных формах в ташкентском говоре, „Труды, САГУ“, нов. серия, XIX — филол. науки, кн. 8, Языкознание, 1955, стр. 50.

1 и 2-м л. мн. ч; в кураминских говорах Ташкентской области, как и в прочих кураминских говорах, В. В. Решетов отмечает процесс утраты (?) местоименно-поссесивных аффиксов 3 л., а также 1 и 2 л. мн. ч.²⁹], а на севере, будучи представлены только в манкентском говоре (в 1-м и 2-м л. мн. числа³⁰). Продвигаясь далее на запад, можно отметить, спорадическое отсутствие аффиксов принадлежности в джизакском, в говоре кишлака Ём Заминского района Самаркандской области (ср. в пайшанбинском *чърэк, мэй, чарчэк, эрэвэ*), каршинском и на крайнем западе—в хазарпском³¹.

Тенденция, полярно противоположная изложенной, также нашла свое отражение в языке БН, будучи представлена во многих современных говорах. Речь идет о плеонастических формах выражения принадлежности 3-го лица³²; см. БН 37-з *шэхэр-у базарисида туркий билмас киши йук,тур*, „в городе [Андижана] и на его базаре нет человека, не знающего по-тюркски“; *ун бир кишидин бириси*—БН 268₂₁, „один из одиннадцати человек“; *ул учдин бириси*—БН 300₁₅, „один из тех трех“; *наргилинин, бириси*—БН 370₁₂, „один из коксовых орехов“; *бизнин, черик бариси кетти*—БН 129₆, „все наше войско ушло“; *х,эр к,айсиси*—БН 126₁, „каждый из них“; *х,ич к,айисиси*—БН 259₅, 267₅; „никто из них“; *тағник, йаримисиғача йумаланиб келдилар*—БН 186₁₅, „до середины горы они скатились“; *Алурнин, ики курух,исида келдук*—БН 423₂, „мы пришли к алуру [на расстояние в] два куруха“.

В современных узбекских говорах это явление рассредоточено фактически по всей территории узбекского языка, образуя особенно компактный ареал на востоке (ошский, андижанский, уйчи-ский³³, говор Вуадилы) и в центре (ташкентский, паркентский, ниязбешинский, подговор селения Каьни Ташкентской области, кураминские говоры Ташкентской области); на севере это явление представлено в манкентском и карабулакском; на западе—в каттакурганском городском, кар-

²⁹ Н. Гафурова. Ниезбаши шеvasида эгалик ва келишик к,ушимчалари, УТАМ, 1961, № 1, стр. 62.

³⁰ В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области (автореф. докт. дисс.). Ташкент, 1952, стр. 35. Об этой архаичной черте древнетюркского синтаксиса писал еще В. В. Радлов (см. его „Die alttürkische inschriften der Mongolei“, Neue Folge, St.-Petersburg, 1897, стр. 104). Безаффиксальный способ связи в определенных сочетаниях засвидетелствован также Д. Г. Тумашевой (см. ее „Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам“, в кн. „Вопросы диалектологии тюркских языков“, Казань, 1960, стр. 49).

³¹ А. Йулдошев. Манкент шеvasида эгалик аффикслари, „Тошкент давлат-университетинин илмий асарлари“, 202, 1932, стр. 60.

³² Примеры есть в следующих работах: Х. Гулямов. Джизакский говор узбекского языка (автореф. канд. дисс.). Ташкент, 1951, стр. 12; Ш. Носиров. Ём шеvasинин баъзи оирмор боло ик хусусиятлари, Сб. „Тилшунослик масалалари“, Тошкент, 1950, стр. 97; Ю. Жуманазаров. Хазараси шеvasида -лар аффиксининг баъзи хусусиятлари, АТМ, № 3 стр. 380.

³³ Плеонастические формы выражения принадлежности 3 л. ед. ч. отмечаются также в уй-урском, киргизском, татарском (особенно в говорах Горной стороны—по свидетельству Р. Ахмедьянова), гагаузском (см. G. Doerfer. Das Gagausische, „Philologiae turicae fundamenta“, I, Wiesbaden, 1959, стр. 268), турецком (см. J. Deny. Grammaire de la langue turque, Paris, 1920, § 238), а также в некоторых турецких говорах Западной Болгарии (см. Zs. kakuk. Die türkische Mundart von Küstendil und Mivhai Lovgrad, „Acta linguistica Hung.“, XI, 3—4, 1961, стр. 316).

³⁴ На употребление плеонастических форм здесь налагает ограничения речевая ситуация (см. О. Шарипов. Пол шеvasи морфологиясининг характерли хусусиятлари, Уч. зап. [Таш. ГПИИЯ], XII, стр. 177.

набском, на юго-западе — в джекающих говорах Ширабадского района, в шахрисябзском; на крайнем западе: в Хорезмской области — в хазараспском, кошкупирском (как и в других огузских говорах), в ККАССР — в мангытском (как и вообще в западном кыпчакском диалекте узбекского языка³⁴). Интерес представляет употребление указанных плеонастических форм в случаях нарушения согласования по лицу при выражении принадлежности 1-го л. мн. ч. в карнабском говоре: *бўзланъ эшъсъ*, причем Н. Раджабов в подобных случаях относит *-съ* (-сз) к „аффиксам принадлежности 1 л. мн. ч.“ (нарушение же согласования в словосочетании *бўзланъ кудугъ*) он трактует как „опущение аффикса принадлежности“³⁵.

Приведенные факты, безусловно, могут быть существенно дополнены прежде всего за счет всестороннего охвата современных диалектных явлений. Крайне важно, чтобы работа по выявлению специфических черт, совпадающих в староузбекском письменном языке и в современных узбекских говорах, в будущем приняла систематический характер: при обследовании отдельных диалектов и говоров, равно как и при подготовке „Диалектологического атласа узбекского языка“, наряду с кругом вопросов общетюркского характера, на неотложность освещения которых указал в своем докладе на IV региональном совещании по тюркской диалектологии член-корреспондент Академии наук СССР В. М. Жирмунский³⁶, следовало бы выделить также круг вопросов, особо важных с точки зрения как исторической, так и современной диалектологии, с тем чтобы проследить развитие того или иного языкового факта по всем диалектам. Необходимая для этого совместная работа диалектологов и историков языка предостерегает от ошибок в трактовке тех или иных диалектных явлений³⁷. Несомненно и то, что осуществление такой дополнительной программы будет способствовать прояснению процесса сложения ряда диалектов и говоров узбекского языка.

³⁴ См. С. Туляков. *Наманган шахар шевасида эгалик ва келишик кудимчалари*, АТМ, 4, Тошкент, 1962, стр. 501; К. Назаров. *Эгалик аффиксларининг -иси формаси хаккида*, „[Тошкент давлат университетининг] илмий асарлари“, 202, 1962, стр. 36; его же. *Кляни шевасида эгалик аффиксларининг формаси*, УТА, 5, 1933, стр. 53; Н. Раджабов. *Каттакургон шевасининг баъзи бир морфологик хусусиятлари*; „Самарканд давлат университетининг асарлари“, Янги серия, 129, стр. 166; А. Маматкулов. *Узбекский джекающий говор Ширабадского района* (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1931, стр. 25; Х. Бобониезов. *Ўзбек тилининг Қушқуқир шевасидаги келишик ва эгалик аффиксларининг формалари хаккида*, „Тошкент давлат университетининг илмий асарлари“, 202, стр. 26; А. Ишаев. *Манит шеваси морфологик материаллар*, АТМ, 4, стр. 473; К. Назаров. *Китчак, лахжасида эгалик аффикслари*, АТМ, 5, 1933, стр. 569; Б. Джураев. *Шахрисябзский говор узбекского языка*, Ташкент, 1934, стр. 80.

³⁵ Н. Раджабов. *О некоторых морфологических особенностях карнабского говора*, „Ўзбек давлат университетининг асарлари“, Янги серия, 91—Ўзбек тили кафедраси, 1959, стр. 118 и 119. Случаи нарушения согласования в сочетании местоимения 1-го л. ед. ч. и служебного имени см. St Wurm. *The Uzbek dialect of Qizil*

Qujas, „Bull. of the School of Oriental and African studies“, XII, pt. 1; 1947, стр. 105.

³⁶ См. В. М. Жирмунский. *О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза*, ВЯ, 1963, № 6.

³⁷ Ряд критических замечаний по поводу неправильного толкования диалектологами отдельных диалектных явлений, см. в статье: У. Т. Турсунов, Х. Дониев, Н. Раджабов. *Ўзбек диалектологияси ўз ривожланишининг янги босқичида*, „Самарканд давлат университетининг асарлари“, Янги серия, 102, 1950, стр. 90 и сл. В частности, можно сослаться еще и на объяснение стяженных форм *найласин*, *нетай* в паркентском говоре и *ш йтади*, *шитиб* в изайманском: авторы очерков по этим говорам рассматривают эти формы соответственно как претерзисные фонетические изменения словосочетания *нима килсин*, *нима килай*, *шундай килади*, *шундай килиб* хотя здесь, очевидно, участие архаических местоимений *не*, глаголов *айла-* и *ет-*.